

«ШКАЛА ОЦЕНКИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СЕМЬИ» (FRAS-II): НОВАЯ ВЕРСИЯ

**Е.С. ГУСАРОВА^a, М.А. ОДИНЦОВА^a, Н.В. КОЗЫРЕВА^b,
Е.И. КУЗЬМИНА^a**

^a ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 127051, Россия, Москва, ул. Сretenка, д. 29

^b БГПУ «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». 220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Советская, д. 18

Family Resilience Assessment Scale (FRAS-II): A New Version

E.S. Gusarova^a, M.A. Odintsova^a, N.V. Kozyreva^b, E.I. Kuzmina^a

^a Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka Str., Moscow, 127051, Russian Federation

^b Belarusian State Pedagogical University Named After Maxim Tank, 18 Sovietskay Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus

Резюме

Авторы созданных многочисленных версий «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) М. Сиксби пытаются снять ее ограничения путем расширения поля действия методики. Апробация на российской выборке, состоявшаяся в 2021 г., также показала необходимость совершенствования данной методики, проверки ее психометрических характеристик, что стало целью настоящего исследования. В нем приняли участие 627 человек из России (n = 300) и Беларуси (n = 327) в возрасте от 18 до 67 лет (средний

Abstract

Numerous versions of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS) are constantly modified in order to make allowance for the limitations of previous versions. Approbation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS-II), held in 2021, also showed the need to improve the instrument, verify its psychometric characteristics, which became the purpose of the current study. The study involved 627 respondents from Russia (n = 300) and Belarus (n = 327) aged

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 («Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)»).

The study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (on the example of people with disabilities and their families)).

возраст россиян 34.3 ± 12.5 , средний возраст белорусов 22.5 ± 7). Применялись анкета с социодемографическими данными, «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII), краткая версия теста жизнестойкости, опросник «Семейные эмоциональные коммуникации», модифицированный опросник «Опыт близких отношений». Была разработана оптимальная структура «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII — вторая версия), психометрические характеристики которой свидетельствуют о высокой внутренней согласованности пяти субшкал. Субшкалы методики коррелируют с показателями жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений, что говорит о внешней валидности инструмента. Характеристики жизнеспособности семьи различаются в зависимости от супружеского статуса, количества детей в семье, от типа неблагоприятного события на выборках россиян и белорусов, что также подтверждает пригодность методики для работы с разными типами семей. В результате было установлено, что FRAS-RII, включающая в себя пять субшкал — «семейная коммуникация и связность», «позитивный прогноз и решение проблем», «принятие и гибкость», «социальные ресурсы», «духовность семьи», — является надежным, валидным инструментом для исследований и для практики психологической работы с российскими и белорусскими семьями.

Ключевые слова: оценка жизнеспособности семьи, жизнестойкость, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции, опыт близких отношений, стиль привязанности, психометрические характеристики «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» (FRAS).

Гусарова Елена Сергеевна — модератор, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет, магистр психологии.

Сфера научных интересов: семейная психология, количественный анализ эмпирических данных в психологии и образовании, математическое моделирование.

Контакты: bondarevaes@fdomgppu.ru

from 18 to 67 years (average age of Russians 34.3 ± 12.5 , average age of Belarusians 22.5 ± 7). We used the following methods: socio-demographic questionnaire, Family Resilience Assessment Scale FRAS-RII; Short version of Hardiness Survey; Test «Family Emotional Communications»; Revised questionnaire «Experience in Close Relationships». As a result, the optimal structure of the Family Resilience Assessment Scale FRAS-RII was elaborated with the psychometric characteristics indicating a high internal consistency of its five subscales. The subscales correlate with indicators of hardiness, family emotional communications, and experience in close relationships, indicating the external validity of the scale. The characteristics of family resilience differ depending on marital status and number of children in families, depending on the type of adverse event in the samples of Russians and Belarusians, which also confirms the applicability of the scale when working with different types of families. We may conclude that the FRAS-RII with its five subscales such as family communication and connectedness, positive outlook and problem solving, acceptance and flexibility, social resources, family spirituality, is a reliable, valid tool for research and for psychological help to Russian and Belarusian families.

Keywords: Family resilience scale, hardiness, family emotional communications, family dysfunctions, experience in close relationships, attachment style, psychometric characteristics of Family Resilience Assessment Scale (FRAS).

Elena S. Gusarova — Moderator, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, Moscow State University of Psychology & Education, MA in Psychology.

Research Area: family psychology, quantitative analysis of empirical data in psychology and education, mathematical modeling.

E-mail: bondarevaes@fdomgppu.ru

Одинцова Мария Антоновна — заведующая кафедрой, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции, количественный анализ эмпирических данных в психологии и образовании, математическое моделирование. Контакты: mari505@mail.ru

Козырева Нина Вячеславовна — доцент, кафедра психологии образования и развития личности, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, жизнестойкость, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции. Контакты: kozyreva_nina@tut.by

Кузьмина Елена Ивановна — декан, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: жизнеспособность семьи, семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции.

Контакты: kuzminaei@mgppu.ru

Maria A. Odintsova — Head of the Department, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, family emotional communications, family dysfunctions, quantitative analysis of empirical data in psychology and education, mathematical modeling.

E-mail: mari505@mail.ru

Nina V. Kozyreva — Associate Professor, Department of Psychology of Education and Personal Development, Belarusian State Pedagogical University Named After Maxim Tank. PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, hardness, family emotional communications, family dysfunctions.

E-mail: kozyreva_nina@tut.by

Elena I. Kuzmina — Dean, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, PhD in Psychology.

Research Area: family resilience, family emotional communications, family dysfunctions.

E-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Концепция жизнеспособности семьи разрабатывалась на основе теории индивидуальной жизнеспособности (Махнач, 2016; Нестерова, 2017; Рыльская, 2016; Bonanno, 2021; Southwick et al., 2014), общей теории систем (Берталанфи, 1969), теории семейной системы (Walsh, 2016), концепций преодоления семейных стрессов (Крюкова, Сапоровская, 2016), теории семейных ресурсов (Нестерова, 2016) и др. Обобщение впечатляющего количества теорий в отечественной и зарубежной психологии позволило А.В. Махначу создать интегративную модель жизнеспособности семьи, позволяющую анализировать внешние и внутренние стресс-факторы семьи, ее внешние и внутренние ресурсы, когнитивные оценки ее членами требований различных неблагоприятных ситуаций, их индивидуальные реакции и стратегии совладания, специфику функционирования семьи в культурно-историческом поле (Махнач, 2016).

Несмотря на сложность концептуализации понятия жизнеспособности семьи, которое определяют как «психическое новообразование», «зонтинную характеристику» (Махнач, Лактионова, 2021, с. 49), подчеркивая высокое значение совместимости разных Я в единое семейное Мы (Антонов, 2021),

исследователи сходятся в толковании основных характеристик жизнеспособности семьи, зависящих от «сохранения баланса между факторами риска и защитными факторами» (Махнач, 2016, с. 267). Так, семейную коммуникацию и связность толкуют как «баланс связности между членами семьи и индивидуализацией каждого из них» (Там же, с. 225). Под позитивным прогнозом и решением проблем понимаются «уверенность в успешном овладении стрессовой ситуацией, навыки определения семейной проблемы, поиска необходимой информации, обдумывания альтернатив и прогнозирования последствий» (Там же, с. 297). Принятие и гибкость толкуют как «баланс между готовностью принять изменения, адаптироваться к ним и упорством в сохранении ранее существующих компонентов идентичности семьи» (Там же, с. 225). К социальным ресурсам семьи относят «поддерживающую сеть, поддерживающие взаимоотношения с окружением, субъективную положительную оценку значимости поддержки» (Там же, с. 240). Духовность семьи связана с «осознанием целостности, включающей основные ценности и убеждения, цели и смысл жизни, социальную уверенность и развитие чувства взаимосвязанности с другими людьми и миром» (Там же, с. 187).

В итоге А.В. Махнач формулирует следующее определение жизнеспособности семьи: «это динамическая системная характеристика семьи, способной отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), предполагающих умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться» (Там же, с. 207).

Большое значение для практики психологической помощи имеет диагностический инструментарий, позволяющий изучить специфику индивидуальной жизнеспособности и жизнеспособности семьи. В России разработано несколько опросников, измеряющих индивидуальную жизнеспособность: «Жизнеспособность человека» (Рыльская, 2016), «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017), «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2016), в котором выделена шкала «семейные взаимосвязи». Жизнеспособность семьи можно измерить с помощью теста «Семейные ресурсы» (Махнач и др., 2013).

В зарубежной психологии наиболее популярными являются опросник жизнеспособности семьи «The Walsh Family Resilience Questionnaire» (Walsh-IT) и шкала оценки жизнеспособности семьи (FRAS). Доказано (Zhou et al., 2020), что чаще используемым и наиболее пригодным для исследований в социальной сфере и сфере здравоохранения в условиях преодоления семейных трудностей является FRAS (Sixbey, 2005). Релевантность структуры данного опросника проверена на группах с низким социально-экономическим статусом в Африке (Isaacs et al., 2018); на польской выборке (Nadrowska et al., 2021); на группах подростков с эпилепсией в Сингапуре (Chew, Haase, 2016); на студентах в Турции (Kaya, Arici, 2012). Отмечается, что факторная структура нередко претерпевает изменения (Isaacs et al., 2018; Nadrowska et al., 2021; Chew, Haase, 2016) в зависимости от выборки и культурного контекста, но все 54 пункта опросника оригинала сохраняются. В некоторых случаях

исследователи удаляют пункты, не прошедшие психометрическую проверку, и получают от трех (Gardiner et al., 2019) до шести (Chiu et al., 2019) факторов.

Сделаны попытки создания кратких версий методики: 32 пункта в Китае (Li et al., 2016); 16 пунктов (Китай и США) (Chow et al., 2022); 34 пункта в России (Гусарова и др., 2021). Во всех сокращенных версиях получено от трех (Li et al., 2016; Chow et al., 2022) до четырех факторов (Гусарова и др., 2021) и исключена шкала «духовность семьи». При сохранении этой шкалы заостряется внимание на том, что пункты отражают довольно узко концепт духовности и рекомендуется расширение его в соответствии с первоначальным замыслом Ф. Уолш, где духовность может переживаться как внутри религиозной принадлежности, так и вне ее. Это общие духовные ресурсы семьи: ценности, цели, мораль, глубокая вера, общение с природой, искусством и т.п., т.е. все то, что придает нашей жизни смысл (Walsh, 2013). Более подробная информация о версиях «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» позволяет провести сравнение модификаций, разработанных в разных странах (см. таблицу 1).

Анализ и обобщение результатов отечественных и зарубежных исследований жизнеспособности семьи, опыт работы с первой российской версией FRAS-R (Гусарова и др., 2021) заставили нас обратиться к ее доработке. Важность создания новой версии данного опросника связана и с растущим объемом исследований в области ресурсов семьи (Махнач и др., 2013) и индивидуальной жизнеспособности (Махнач, 2016; Нестерова, 2017; Рыльская, 2016), результаты которых могут быть уточнены с помощью дополнительных индикаторов — субшкал FRAS-RII, в числе которых «духовность семьи». Новый инструмент хорошо вписывается в интегративную модель А.В. Махнача и позволяет проанализировать неблагоприятные события, с которыми сталкиваются семьи, дать оценку их интенсивности, показать динамику связей в семьях после неблагоприятного события и задействуемые ими основные ресурсы семьи. Таким образом, нашей целью стали создание новой версии «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» FRAS-R (Гусарова и др., 2021) и проверка ее структуры и других психометрических свойств на разных по составу выборках.

Решались следующие исследовательские вопросы:

1. Будет ли структура FRAS-RII инвариантной для двух выборок, являющихся неоднородными по социодемографическим характеристикам?
2. Обладает ли FRAS-RII хорошей внутренней согласованностью в двух независимых выборках?
3. Схожи ли связи субшкал FRAS-RII с характеристиками жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений в выборках двух стран?
4. Различаются ли показатели жизнеспособности семьи в зависимости от пола, уровня образования, профессиональной занятости, супружеского статуса, количества детей в семье, типа неблагоприятного события, субъективных оценок динамики связей в семьях после неблагоприятных событий в выборках двух стран?

Таблица 1

Версии «Шкалы оценки жизнеспособности семьи»(FRAS) в разных странах

Источник	Страна	Выборка	Количество пунктов и факторов	Результаты	Рекомендации для будущих исследований
Chow et al.	Китай, США, 2022	США: N = 1236 от 18 до 75 лет (36.17 + 10.83), 36.3% женщин. Китай: N = 1135 от 18 до 59 лет (30.01 + 5.99), 57.4% женщин.	16 п. 3 фактора: коммуникация и связность, позитивное переформулирование, внешние ресурсы	Соответствие модели (США): $\chi^2(99) = 699.15$, $p < 0.001$; SRMR = 0.046; RMSEA = 0.070, CI = [0.065, 0.075]; TLI = 0.86; CFI=0.88. Надежность (США): α Кронбаха для шкалы = 0.87, для субшкал от 0.64 до 0.78. Соответствие модели (Китай): $\chi^2(99) = 287.84$, $p < 0.001$; SRMR = 0.033; RMSEA = 0.041, CI = [0.036, 0.047]; TLI = 0.94; CFI = 0.95 Надежность (Китай): α Кронбаха для шкалы = 0.78, для субшкал от 0.51 до 0.68.	Проверка на различных группах населения, изучение значения религиозной и духовной деятельности
Li et al.	Китай, 2016	N = 991, студенты университета, 62.9% женщин, (20 + 1.12) лет	32 п. 3 фактора: семейная коммуникация и решение проблем; использование социальных ресурсов; позитивный прогноз	Соответствие модели: $\chi^2/df = 5.97$, CFI = 0.84, RMSEA = 0.08, SRMR = 0.05. Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.95, для субшкал от 0.50 до 0.94	Субшкала семейной духовности нуждается в доработке
Chiu et al.	Тайвань, 2019	N = 502, родители детей с задержкой развития, 81% женщин (52.4 ± 16.9) лет	53 п. 6 факторов оригинальной версии	Соответствие модели: $\chi^2/df = 2.97$; RMSEA = 0.06; SRMR = 0.06; NNFI = 0.83; CFI = 0.83; IFI = 0.84 Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.96, для субшкал от 0.68 до 0.96	Расширение выборки, исследования в разных неблагоприятных обстоятельствах. Субшкала семейной духовности нуждается в доработке
Gardiner et al.	Канада, 2019	N = 174, родители детей с РАС, 84% женщин от 20 до 69 лет (45.32 + 7.64)	51 п. 3 фактора: семейная коммуникация и решение проблем; использование социальных и экономических ресурсов; духовность семьи	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 52.2%: 1 фактор – 31%, 2 фактор – 14.7%, 3 фактор – 6.5%. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.44–0.82, 2 фактор – 0.35–0.88, 3 фактор – 0.68–0.93	Субшкала «Духовность семьи» нуждается в доработке. Рекомендуется включение пунктов, расширяющих эту шкалу и отражающих первоначальный замысел Ф. Уолш

Таблица 1 (окончание)

Chew et al.	Сингапур, 2016	N = 156, Молодежь (79 мужчин и 73 женщины, 4 не указали пол) с диагнозом эпилепсия от 13 до 16 лет (15.0 ± 1.13)	54 п. 7 факторов. Пункты, описывающие «использование социальных и экономических ресурсов», распределены на два фактора	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 83.0%. 1 фактор – 23.9%, 2 фактор – 23.2%, 3 фактор – 16.4%, 4 фактор – 8.2%, 5 фактор – 4.9%, 6 фактор – 4.2%, 7 фактор – 2.2. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.81–0.91, 2 фактор – 0.73–0.88, 3 фактор – 0.77–0.94, 4 фактор – 0.63–0.91, 5 фактор – 0.82–0.92, 6 фактор – 0.67–0.89, 7 фактор – 0.75–0.84 Надежность: α Кронбаха для субшкал от 0.93 до 0.97	Привлечение к исследованию неклинических выборов
Nadrowska et al.	Польша, 2021	N = 502, 65% женщин в возрасте от 18 до 62 лет (24.60 + 6.86)	54 п. 6 факторов оригинальной версии	$\chi^2 = 4015.941$, $df = 1362$, $2/df = 2.95$, $RMSEA = 0.06$, $CFI = 0.92$, $TLI = 0.91$, $WRMR = 1.87$ Надежность: α Кронбаха для субшкал от 0.63 до 0.95	Использование качественного подхода, применение других количественных методик
Isaacs et al.	Африка, 2018	N = 656 с низким социально-экономическим статусом от 18 до 80 лет (37.90 + 13.92), 39.8% мужчин	54 п. 6 факторов оригинальной версии, но изменено название одного фактора «социальные ресурсы семьи» на: «семья и мировоззрение сообщества»	Факторы получены с помощью ЭФА. Общая дисперсия 62.09%: 1 фактор – 43.28%, 2 фактор – 5.23%, 3 фактор – 4.45%, 4 фактор – 3.5%, 5 фактор – 3.07%, 6 фактор – 2.56%. Факторные нагрузки: 1 фактор 0.37–0.93, 2 фактор – 0.43–0.86, 3 фактор – 0.41–0.63, 4 фактор – 0.74–0.86, 5 фактор – 0.47–0.76, 6 фактор – 0.72–0.73 Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.97, для субшкал от 0.70 до 0.97	Использование качественного подхода, применение других количественных методик
Гусарова и др.	Россия, 2021	N = 331, Россияне от 18 лет до 65 лет (33.5 + 10.8), 61.6% женщин	34 п. 4 фактора: семейная коммуникация и связанность; позитивный прогноз и решение проблем; принятие и гибкость; социальные ресурсы	Соответствие модели: $\chi^2/df = 1.981$, $RMSEA = 0.055$, $CFI = 0.92$, $IFI = 0.92$, $TLI = 0.91$ Надежность: α Кронбаха для шкалы = 0.95, для субшкал от 0.74 до 0.93	Продолжение работы по усовершенствованию отдельных субшкал

Метод и методики исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся с марта по июнь 2022 г. с помощью Яндекс-форм. К исследованию приглашались все желающие носители русского языка старше 18 лет, проживающие в России и Белоруссии. Ссылка на онлайн-опрос распространялась через социальные сети. Исследование соответствует этическим стандартам Российского психологического общества, одобрено Этическим комитетом МГППУ (протокол № 12 от 15.03.2022).

В адаптации FRAS-RII приняли участие две независимые выборки (N = 627): 300 человек из России и 327 из Беларуси, возраст испытуемых — от 18 до 67 лет. Данные выборки были использованы для проверки устойчивости и факторной валидности FRAS-RII в новых (отличных от зарубежных) и одновременно схожих для белорусов и россиян социокультурных условиях (общие историческое прошлое, религия, язык, схожесть образов семьи в ценностном сознании) (Варич, Климович, 2015).

В таблице 2 представлены социодемографические характеристики выборок, значимо различающихся по всем параметрам, кроме пола, что позволило проверить устойчивость, факторную валидность, внутреннюю согласованность и внешнюю валидность FRAS-RII отдельно для россиян и белорусов.

Дополнительно в FRAS-RII участникам задавался открытый вопрос, в котором предлагалось определить, кого они считают членами своей семьи. К членам семьи были отнесены родители (РФ — 68.3%, РБ — 60.2%), прародители (РФ — 27%, РБ — 22%), сиблинги (РФ — 45.3%, РБ — 40.7), партнеры (РФ — 11.7%, РБ — 8%), супруги (РФ — 20.3%, РБ — 34.3%), дети (РФ — 22.7%, РБ — 37.6%), питомцы (РФ — 12%, РБ — 9.5%), тети/дяди (РФ — 9.3%, РБ — 8.3%), племянники (РФ — 6.7%, РБ — 8%), внуки (РФ — 2.7%, РБ — 0.3%), двоюродные братья/сестры (РФ — 4.3%, РБ — 4%), супруги своих детей (РФ — 1.3%, РБ — 2.7%), друзья (РФ — 6%, РБ — 4.6%) и т.д. Некоторые давали определения (например: «*Всех, кому я могу доверять свои чувства и проблемы*») (РФ — 1%, РБ — 1.8%), другие не конкретизировали родство (близкие родственники, родня и т.д.) (РФ — 13%, РБ — 13.8%).

Новая версия «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» FRAS-RII отличается от FRAS-R (Гусарова и др., 2021) в двух аспектах.

Во-первых, нами была модифицирована шкала ответов: участникам предлагалось оценить не степень согласия с утверждениями, а частоту встречаемости того или иного поведения, чувств, мыслей в своей семье по пятибалльной шкале (всегда — 5, часто — 4, иногда — 3, редко — 2, никогда — 1). Это обусловлено следующими причинами: во-первых, четырехпунктная шкала не дает возможности респонденту выбрать нейтральный ответ, поэтому она называется «принудительной» и чаще применяется в маркетинговых исследованиях. При таком подходе остается больше утверждений, на которые респонденты не дают ответов (Krosnick, 1991; Revilla et al., 2014); во-вторых, наиболее оптимальными считаются шкалы с нечетным числом альтернативных ответов (Österås et al., 2008): чем больше шкала по диапазону, тем выше ее надежность, валидность и дискриминативность, однако более широкие по диапазону

Таблица 2

Социодемографические характеристики выборки

	Выборка		РФ		РБ		U	p
	M	SD	M	SD	M	SD		
Возраст	28.1	11.6	34.3	12.5	22.5	7.0	20693.5	0.000
	n	%	n	%	n	%	χ^2	p
<i>Пол</i>								
Мужчины	101	16.1	49	16.3	52	15.9	0.022	0.883
Женщины	526	83.9	251	83.7	275	84.1		
<i>Образование</i>								
Среднее общее	226	36	51	17	175	53.5	167.9	0.000
Среднее профессиональное	129	20.6	46	15.3	83	25.4		
Незаконченное высшее / студент бакалавриата	35	5.6	17	5.7	18	5.5		
Бакалавриат / Специалитет	167	26.6	121	40.3	46	14.1		
Магистратура / Несколько высших	53	8.5	52	17.3	1	0.3		
Ученая степень	11	1.8	10	3.3	1	0.3		
Не указано	6	1	3	1	3	0.9		
<i>Занятость</i>								
Не работаю / в декретном отпуске / ЛОУ / на пенсии	43	6.9	33	11	10	3.1	38.2	0.000
Учусь	285	45.5	106	35.3	179	54.7		
Работаю	240	38.3	138	46	102	31.2		
Работаю и учусь	56	8.9	22	7.3	34	10.4		
Не указано	3	0.5	1	0.3	2	0.6		
<i>Супружеский статус</i>								
Не замужем / холост	262	41.8	139	46.3	123	37.6	20.4	0.001
Состою в отношениях	134	21.4	76	25.3	58	17.7		
В браке	205	32.7	74	24.7	131	40.1		
В разводе	16	2.6	7	2.3	9	2.8		
Вдова / вдовец	5	0.8	3	1	2	0.6		
Не указано	5	0.8	1	0.3	4	1.2		
<i>Дети</i>								
Нет детей	420	67.0	227	75.7	193	59	21.5	0.000
1 ребенок	95	15.2	31	10.3	64	19.6		
2 ребенка	82	13.1	28	9.3	54	16.5		
3 и более	30	4.8	14	4.7	16	4.9		

шкалы трудны для респондентов (Preston, Colman, 2000; Taherdoost, 2019); в-третьих, обратная связь, полученная от респондентов при апробации методики, показала ограниченность четырехбалльной шкалы в силу отсутствия промежуточного ответа. Мы постарались сохранить баланс между информативностью и легкостью заполнения FRAS-RII.

Во-вторых, была доработана субшкала духовности семьи. В версии «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-R) (Гусарова и др., 2021) она не выдержала проверку, так как в оригинале была сосредоточена на узком (религиозном) понимании духовности. С учетом рекомендаций исследователей (Chow et al., 2022; Li et al., 2016; Chiu et al., 2019; Gardiner et al., 2019) нами были сформулированы следующие утверждения, составляющие содержание данной шкалы: «Мы ориентируемся на общие для семьи нравственные принципы», «Мы поддерживаем общие для семьи традиции», «Мы создаем новые семейные традиции», «Пережитый нами опыт сделал нас способными сочувствовать другим», «Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности», «Чтобы справиться с невзгодами, мы опираемся на духовные ресурсы нашей семьи».

Для обработки данных использовались описательная статистика, корреляционный анализ, конфирматорный факторный анализ, коэффициенты α Кронбаха и ω Макдональда, критерий χ^2 , критерии Манна–Уитни и Краскела–Уолиса, критерий Спирмена. Обработка данных производилась в программах Jamovi 2.3.12, SPSS 21, Amos 21.

Результаты

Факторная структура и надежность FRAS-RII

Для подтверждения структуры методики были использованы конфирматорный факторный анализ и метод максимального правдоподобия. Расчеты производились в программе A 21. На разных по составу выборках россиян и белорусов была проверена модель, состоящая из пяти коррелирующих между собой факторов (см. рисунок 1). При построении модели были изучены индексы модификации Лагранжа и внесены ковариации между остаточной дисперсией пунктов, вероятно, вызванной схожестью их формулировок, утверждений, стоящих рядом друг с другом. При оценке показателей индексов соответствия мы опирались на следующие минимальные значения: CFI, TLI > 0.9, RMSEA < 0.08, $\chi^2/df < 5$. Показатели соответствуют или близки к минимальным значениям, что дает основание говорить о приемлемом согласии модели данным (см. таблицу 3).

Как видим, модели для разных выборок идентичны по составу индикаторов (пунктов и субшкал) и по их связи с факторами, полностью соответствуют общей модели и не зависят от страны проживания.

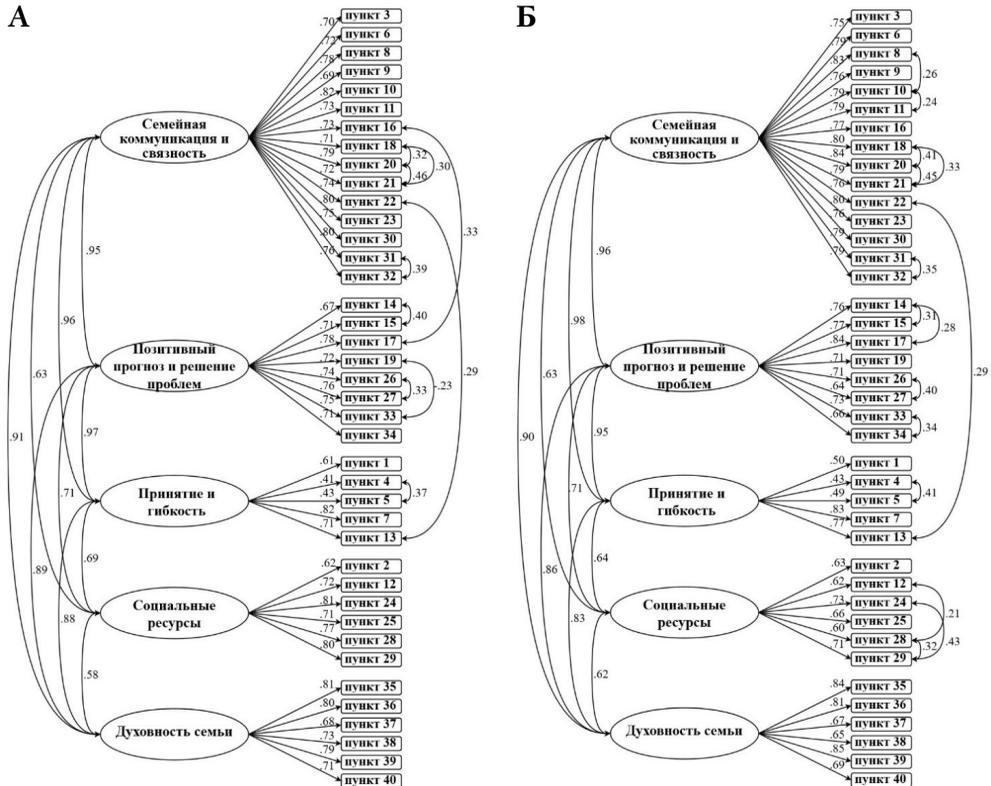
Таблица 3

Показатели индексов соответствия модели на выборках россиян и белорусов

	χ^2	df	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA	RMSEA 90% CI	
							lower	upper
РФ	1532.05	719	2.131	0.906	0.898	0.061	0.057	0.066
РБ	1632.75	715	2.284	0.908	0.900	0.063	0.059	0.067

Рисунок 1

Факторная структура модели на выборках А) россиян и Б) белорусов

Надежность методики проверялась с помощью коэффициентов α Кронбаха и ω Макдональда (см. таблицу 4). Коэффициенты по всем субшкалам в обеих группах выше 0.7, что указывает на достаточный и высокий уровень надежности субшкал и методики в целом.

Таблица 4

Сравнение показателей надежности методики у двух выборок

Субшкалы	α Кронбаха		ω Макдональда	
	РФ	РБ	РФ	РБ
Семейная коммуникация и связь	0.952	0.961	0.952	0.962
Позитивный прогноз и решение проблем	0.907	0.907	0.909	0.909
Принятие и гибкость	0.769	0.777	0.770	0.780
Социальные ресурсы	0.876	0.841	0.878	0.844
Духовность семьи	0.886	0.886	0.889	0.890
Жизнеспособность семьи	0.971	0.971	0.972	0.973

Внешняя валидность

Для проверки внешней валидности были проанализированы связи компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, типом привязанности и дисфункциями детско-родительских отношений. Установлено, что все компоненты жизнеспособности семьи положительно связаны с вовлеченностью, контролем, принятием риска и жизнестойкостью; отрицательно — с тревожным и избегающим типом привязанности, с элиминированием эмоций, критикой, общим уровнем выраженности семейных дисфункций (см. таблицу 5). Также были выявлены несущественные корреляции некоторых компонентов жизнеспособности семьи со сверхвключенностью, внешним благополучием, индуцированием тревоги, фиксацией на негативных переживаниях и семейным перфекционизмом.

С помощью критериев Манна—Уитни и Краскела—Уоллиса различий в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от пола, уровня образования и профессиональной занятости в обеих группах выявлено не было ($p > 0.05$), однако были установлены различия в зависимости от супружеского статуса (см. таблицу 6) и количества детей в семье (см. таблицу 7) в двух выборках. Общий показатель жизнеспособности семьи в обеих группах у состоящих в браке значительно выше, чем у незамужних/холостых и состоящих в отношениях. В обеих группах отмечается тенденция «роста» общего показателя жизнеспособности семьи при наличии детей: наименьшие показатели отмечаются у участников без детей, несколько выше они у тех, кто имеет одного ребенка и еще выше у тех, кто имеет двух детей. У участников, имеющих трех и более детей, общий показатель жизнеспособности семьи снижается.

Предваряющие FRAS-RII вопросы позволяют получить дополнительную информацию о жизни семей (см. Приложение). Один из них посвящен описанию неблагоприятных событий в семьях. И белорусы, и россияне ($N = 627$) называли одни и те же события ($\chi^2 = 13.77, p = 0.55$): проблемы в отношениях (развод, конфликты и т.п.) — 28.7%; утрата (смерть близких) — 27.9%; болезни членов семьи — 13.2%; материальные трудности — 8%; переезды — 7%; множественные трудности как сочетание более двух событий одновременно — 6.7%. Не были получены ответы от 8.5% выборки.

Ограниченный объем данной статьи не позволяет нам сделать детальный анализ. Отметим лишь, что в зависимости от типа неблагоприятного события обнаружены значимые различия по всем характеристикам FRAS-RII, за исключением субшкалы «социальные ресурсы». Самый высокий уровень жизнеспособности семьи обнаружен при утрате близких, а самый низкий — при проблемных отношениях. При болезнях, переездах и множественных трудностях ключевым ресурсом в профиле жизнеспособности семьи становится ее духовность. А в группе, не указавшей неблагоприятное событие в своей семье, — семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем. Возможно, это связано с уверенностью представителей данной группы в том, что проблемы обсуждаемы и решаемы. На рисунке 2 отражена выраженность характеристик жизнеспособности семьи у россиян и

Таблица 5

Связи компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, типом привязанности и дисфункциями детско-родительских отношений

		F1	F2	F3	F4	F5	FR
Вовлеченность	РФ	0.385**	0.364**	0.237**	0.363**	0.354**	0.400**
	РБ	0.407**	0.400**	0.297**	0.331**	0.330**	0.426**
Контроль	РФ	0.340**	0.366**	0.237**	0.365**	0.305**	0.368**
	РБ	0.313**	0.348**	0.195**	0.262**	0.216**	0.329**
Принятие риска	РФ	0.356**	0.398**	0.283**	0.327**	0.349**	0.395**
	РБ	0.292**	0.295**	0.227**	0.258**	0.168**	0.297**
Жизнестойкость	РФ	0.402**	0.412**	0.274**	0.394**	0.370**	0.430**
	РБ	0.379**	0.393**	0.272**	0.323**	0.273**	0.396**
Тревожность	РФ	-0.435**	-0.389**	-0.324**	-0.404**	-0.391**	-0.453**
	РБ	-0.338**	-0.289**	-0.222**	-0.189**	-0.232**	-0.316**
Избегание	РФ	-0.370**	-0.325**	-0.279**	-0.441**	-0.308**	-0.397**
	РБ	-0.345**	-0.277**	-0.200**	-0.281**	-0.250**	-0.329**
Критика	РФ	-0.400**	-0.369**	-0.260**	-0.373**	-0.311**	-0.400**
	РБ	-0.346**	-0.326**	-0.235**	-0.258**	-0.225**	-0.340**
Индукция тревоги	РФ	0.187**	0.190**	0.191**	0.124*	0.176**	0.193**
	РБ	—	—	—	—	—	—
Элиминация эмоций	РФ	-0.538**	-0.456**	-0.373**	-0.387**	-0.414**	-0.517**
	РБ	-0.461**	-0.398**	-0.300**	-0.328**	-0.347**	-0.453**
Фиксация на негативных переживаниях	РФ	0.125*	—	—	—	0.117*	—
	РБ	—	—	—	—	—	—
Внешнее благополучие	РФ	—	—	—	—	—	—
	РБ	—	—	—	-0.169**	—	—
Сверхвключенность Я	РФ	-0.192**	-0.222**	-0.142*	-0.171**	-0.142*	-0.205**
	РБ	—	—	—	—	—	—
Семейный перфекционизм	РФ	0.113*	0.129*	—	—	0.156**	0.133*
	РБ	—	0.145**	—	—	0.133*	0.140*
Общий показатель семейных дисфункций	РФ	-0.283**	-0.242**	-0.142*	-0.298**	-0.200**	-0.280**
	РБ	-0.299**	-0.267**	-0.194**	-0.210**	-0.195**	-0.282**

Примечание к таблицам 5–7. F1 — семейная коммуникация и связность, F2 — позитивный прогноз и решение проблем, F3 — принятие и гибкость, F4 — социальные ресурсы, F5 — духовность семьи, FR — жизнеспособность семьи. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Рисунок 2

Выраженность характеристик жизнеспособности семьи в зависимости от типа неблагоприятного события (z-значения)

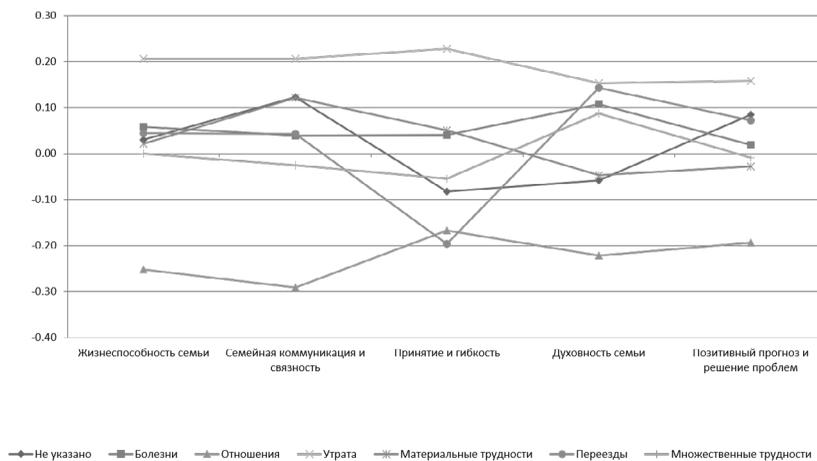

Таблица 6

Различия в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от супружеского статуса у россиян и белорусов

		Супружеский статус						χ^2	p	ε^2
		Не замужем / холост		Состою в отношениях		В браке				
		M	SD	M	SD	M	SD			
F1	РФ	53.4	13.4	55.7	13.5	60.6	10.5	13.461	0.001	0.047
	РБ	55.5	13.3	54.8	13.2	61.6	10	18.356	0.000	0.059
F2	РФ	29.8	6.4	30.8	6.7	32	5.6	5.942	0.051	0.021
	РБ	30.5	6	29.8	6	32.6	4.8	13.484	0.001	0.043
F3	РФ	18.6	3.8	19	3.6	19.4	3.5	2.629	0.269	0.009
	РБ	18.8	3.8	18.7	3.3	19.9	3	8.185	0.017	0.026
F4	РФ	21.4	5.4	22.7	5	23.2	4	5.624	0.060	0.020
	РБ	22.2	4.5	22.6	4.8	22.4	3.8	0.082	0.960	0.000
F5	РФ	20.3	5.7	21.4	5.7	23	4.4	12.534	0.002	0.044
	РБ	20.9	5.5	20.2	5.4	23.2	4.3	19.644	0.000	0.063
FR	РФ	143.5	30.8	149.6	30.6	158.2	24.8	11.604	0.003	0.040
	РБ	147.9	29.7	146.1	29.2	159.7	22.4	15.158	0.001	0.049

Таблица 7

Различия в показателях жизнеспособности семьи в зависимости от количества детей у россиян и белорусов

		Количество детей								χ^2	p	ε^2
		1		2		3		3 и более				
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD			
F1	РФ	54.8	13.6	58.9	9.9	62	9.6	58.9	8	8.842	0.031	0.031
	РБ	56	13.3	60.8	10.3	62.3	10.1	59.5	6.2	14.335	0.002	0.040
F2	РФ	30.3	6.6	31.5	4.5	33.5	5	30.5	5.3	7.352	0.061	0.026
	РБ	30.4	6	32.5	5	32.6	4.7	32.1	2.6	11.32	0.010	0.033
F3	РФ	18.8	3.8	19.2	2.3	20.2	3.8	19.1	2.9	5.173	0.160	0.017
	РБ	18.9	3.6	19.7	3.1	20	3.4	19.4	2.6	4.887	0.180	0.014
F4	РФ	22.1	5.3	22.5	4.8	23.9	3.5	21.3	4.2	4.112	0.250	0.014
	РБ	22.3	4.6	22.9	3.6	22.4	3.7	21.5	3.5	2.177	0.536	0.006
F5	РФ	20.7	5.7	21.9	4.3	24.9	3.3	23.6	3.4	18.896	0.000	0.062
	РБ	20.8	5.5	23.2	4.3	23.4	4	23.8	3.8	21.687	0.000	0.064
FR	РФ	146.7	31.4	154.1	20.8	164.5	22.1	153.4	20.1	10.253	0.017	0.035
	РБ	148.4	29.3	159.1	23.6	160.7	22.4	156.3	14	12.922	0.005	0.036

Таблица 8

Различия в показателях жизнеспособности семьи у россиян и белорусов в зависимости от изменения эмоциональной связи в семье после неблагоприятного события

		Характер изменения эмоциональной связи						χ^2	p	ε^2
		Стала ближе		Осталась прежней		Стала дистантной				
		М	SD	М	SD	М	SD			
F1	РФ	62.2	9.9	56.1	12.7	48.8	12.7	51.622	0.000	0.173
	РБ	62.9	8.7	59.6	11.4	50.3	13.3	51.575	0.000	0.158
F2	РФ	33.3	5.1	30.6	6.3	27.8	6.3	36.033	0.000	0.121
	РБ	33	4.1	32	5.2	28	6.3	39.215	0.000	0.120
F3	РФ	20.3	3.2	19	3.6	17.3	3.5	36.538	0.000	0.122
	РБ	20.4	2.6	19.7	3.4	17.4	3.6	41.972	0.000	0.129
F4	РФ	24.1	4.6	22	4.7	20.5	5.1	26.682	0.000	0.089
	РБ	23	3.6	22.9	4.3	20.9	4.5	14.334	0.000	0.044
F5	РФ	23.7	4.2	20.6	5.7	19.5	5.6	32.636	0.000	0.109
	РБ	23.9	3.6	21.8	4.8	19.1	5.8	39.863	0.000	0.122
FR	РФ	163.7	23.9	148.3	29	134	28.8	50.181	0.000	0.168
	РБ	163.3	18.6	156.1	25.3	135.8	30.3	50.761	0.000	0.156

белорусов в зависимости от типа неблагоприятного события (произведено предварительное нормирование данных через z-значения).

Были проанализированы различия в показателях FRAS-RII в зависимости от оценок изменения эмоциональной связи в семье после неблагоприятного события (см. таблицу 8).

Самые высокие показатели по всем характеристикам FRAS-RII получены при оценке семейной связи как «более близкой», несколько ниже они при отсутствии изменений («связь осталась прежней»), еще ниже — при дистанцировании («стала дистантной»). Эти показатели также устойчивы для двух выборок.

Обсуждение результатов

В ходе проведенного исследования была доработана субшкала духовности семьи и подтверждена пятифакторная структура FRAS-RII. Показатели согласованности субшкал увеличились, в сравнении с версией FRAS-R (Гусарова и др., 2021), что связано с изменением шкалы ответов, которая теперь содержит пять альтернативных вариантов. Внешнюю валидность FRAS-RII подтверждают установленные положительные корреляции компонентов жизнеспособности семьи с жизнестойкостью, отрицательные — с типом привязанности, критикой, элиминированием эмоций. Причем эти результаты воспроизводятся без изменений в разных по социобиографическим характеристикам выборках. Другие связи можно считать несущественными в силу их очень слабой выраженности ($r < 0.2$).

Обнаружено, что индивидуальная жизнестойкость связана с повышением жизнеспособности семьи. В исследованиях также отмечены зависимости индивидуальной жизнеспособности подростков и жизнеспособности их семей (Finklestein et al., 2022), взаимосвязи жизнеспособности индивидуальной, семейной и сообщества (Distelberg et al., 2015), жизнестойкости и семейных ресурсов у кандидатов в замещающие родители (Махнач и др., 2015).

Жизнеспособность семьи, таким образом, опирается на индивидуальные характеристики личности (Махнач, 2016), одной из которых становится жизнестойкость. Тревожный и избегающий типы привязанности связаны со снижением жизнеспособности семьи. Данные типы привязанности характеризуются чувством небезопасности и стресса в романтических отношениях, которые создают трудности в установлении эмоционального контакта и близости с партнером. И наоборот, близкие отношения способствуют формированию адаптивных систем человека, являются источником поддержки и вносят большой вклад в жизнеспособность семьи (Huang et al., 2018). Запрет на выражение эмоций и родительская критика ожидаемо связаны со снижением жизнеспособности семьи в двух независимых выборках. Ф. Уолш отмечает, что способность членов семьи выражать и принимать широкий спектр чувств — как болезненных или негативных (печаль, гнев, страх и пр.), так и приятных или позитивных (радость, интерес, благодарность, любовь и пр.) — является важной составляющей преодоления кризисов и укрепления жизнеспособности

(Walsh, 2013). Частое выражение недовольства, родительская критика негативно влияют на развитие детей, разрушают доверие между членами семьи и создают дистанцию в общении, что препятствует жизнеспособности семьи.

В интегративной модели жизнеспособности семьи (Махнач, 2016) важное место занимают внешние и внутренние стресс-факторы семьи, к которым можно отнести разные неблагоприятные события, являющиеся актуальными для респондентов. Анализ позволил обнаружить, что наиболее высоко оценивают все характеристики жизнеспособности своей семьи люди, объединенные событиями, связанными с утратой близких, наиболее низко — люди, имеющие проблемные отношения в семье. Схожие данные были получены в исследовании М.А. Одинцовой и соавторов (Odintsova et al., 2022). Неблагоприятные события отражаются на уровне жизнеспособности семьи и на эмоциональных связях между ее членами по-разному. Дистанцирование, разобщенность в семьях снижает семейную жизнеспособность и/или может свидетельствовать о том, что семья находится в процессе поиска необходимого ресурса для преодоления сложившейся ситуации. Сближение, приобретение единства повышает жизнеспособность семьи. Жизнеспособные семьи, обладая важнейшим источником эмоциональной поддержки и связности, более успешно совладают с трудностями (Махнач, 2016).

Заключение и выводы

«Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS) широко используется за рубежом и в России. С учетом рекомендаций исследователей и первого опыта ее апробации в России данная шкала была существенно доработана, проверены ее психометрические характеристики. Все полученные нами результаты воспроизводятся на разных по составу выборках россиян и белорусов.

1. Подтверждена пятифакторная структура FRAS-RII, включающая следующие субшкалы: семейная коммуникация и связность, позитивный прогноз и решение проблем, принятие и гибкость, социальные ресурсы, духовность семьи.

2. Показатели внутренней согласованности FRAS-RII улучшились и являются устойчивыми в двух выборках при расширении диапазона ответов.

3. Внешняя валидность FRAS-RII подтверждается сходством корреляций с показателями жизнестойкости, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений в двух выборках.

4. Показатели FRAS-RII различаются в зависимости от супружеского статуса и количества детей в семье, что также подтверждает пригодность методики для работы с разными типами семей. Различий в показателях FRAS-RII в зависимости от пола, уровня образования и профессиональной занятости опрашиваемых не обнаружено. Характеристики FRAS-RII различаются в зависимости от типа неблагоприятного события и от динамики семейных связей.

Ограничением исследования является неравномерный состав двух групп, однако он позволяет подтвердить устойчивость и факторную валидность

FRAS-RII. Существенным ограничением является то, что FRAS-RII заполнялась одним членом семьи, а не всей семьей. В перспективе необходимы исследования жизнеспособности семьи с участием нескольких ее членов, на расширенных выборках из разных типов семей (Махнач, 2019), на разных стадиях их жизненного цикла, при столкновении с разными неблагоприятными событиями, а также социально уязвимых семей, включая семьи с инвалидами. Требуется введение проективных методик, предполагающих качественный подход к анализу данных.

Подтверждение оптимальной структуры FRAS-RII на двух разных выборках дает возможность использовать данную методику не только для диагностики, но и для выстраивания практической работы с российскими и белорусскими семьями. FRAS-RII способствует дальнейшему развитию семейной психологии с опорой на семейные ресурсы, может применяться для обследования как одного члена семьи, так и всей семейной системы. Использование FRAS-RII в терапевтическом процессе позволит, опираясь на выявленные с ее помощью ресурсы семьи, поддержать ее членов при преодолении ими неблагоприятных событий. Методика хорошо отражает основные компоненты интегративной модели жизнеспособности семьи А.В. Махнача (Махнач, 2016). Все это имеет большое значение для практики психологической помощи российским и белорусским семьям.

Литература

- Антонов, А. И. (ред.). (2021). *Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жен по результатам одновременного опроса супругов*. М.: Издательство «Перо».
- Берталанфи, Л. (1969). *Общая теория систем: критический обзор*. М.: Прогресс.
- Варич, В. Н., Климович, А. В. (2015). Желаемый образ семьи в ценностном сознании современных белорусов и россиян. *Вестник Брестского университета. Серия 2. История. Экономика. Право*, 1, 118–124.
- Гусарова, Е. С., Одинцова, М. А., Сорокова, М. Г. (2021). Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке. *Психологические исследования*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130>
- Крюкова, Т. Л., Сапоровская, М. В. (2016). Стрессы семейных отношений: тенденции и эффекты совладания. *Социальная и экономическая психология*, 1(1), 174–195.
- Махнач, А. В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Институт психологии РАН.
- Махнач, А. В. (2019). Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2, 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50>
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2021). Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова. *Социальная психология и общество*, 12(2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203>
- Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. (2015). Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители. *Психологический журнал*, 36(1), 108–122.

- Махнач, А. В., Прихожан, Н. Н., Толстых, Н. Н. (2013). *Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: практическое руководство*. М.: Институт психологии РАН.
- Нестерова, А. А. (2016). Семейные ресурсы как условие жизнеспособности семьи в кризисных ситуациях. *Развитие личности, 1*, 156–173.
- Нестерова, А. А. (2017). Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности». *Психологический журнал, 38(4)*, 93–108.
- Осин, Е. Н., Рассказова, Е. И. (2013). Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2*, 147–165.
- Рыльская, Е. А. (2016). Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики. *Социум и власть, 1(57)*, 25–30.
- Холмогорова, А. Б., Воликова, С. В., Сорокова, М. Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия, 24(4)*, 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>
- Чистопольская, К. А., Митина, О. В., Ениколопов, С. Н., Николаев, Е. Л., Семикин, Г. И., Чубина, С. А., Озол, С. Н., Дровосеков, С. Э. (2018). Адаптация краткой версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал, 39(5)*, 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Antonov, A. I. (Ed.). (2021). *Skhodstvo i razlichie tsennostnykh orientatsii muzhei i zhen po rezul'tatam odnovermennogo oprosa suprugov* [Similarity and difference in the value orientations of husbands and wives according to the results of a simultaneous survey of spouses]. Moscow: Pero.
- Bertalanffy, L. (1969). *Obshchaya teoriya system: kriticheskii obzor* [General system theory. A critical review]. Moscow: Progress.
- Bonanno, G. A. (2021). The resilience paradox. *European Journal of Psychotraumatology, 12(1)*. <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1942642>
- Chew, J., & Haase, A. M. (2016). Psychometric properties of the Family Resilience Assessment Scale: A Singaporean perspective. *Epilepsy & Behavior, 61*, 112–119. <https://doi.org/10.1016/j.yebeh.2016.05.015>
- Chiu, S. J., Chou, Y. T., Chen, P. T., & Chien, L. Y. (2019). Psychometric properties of the Mandarin version of the Family Resilience Assessment Scale. *Journal of Child and Family Studies, 28*, 354–369. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1292-0>
- Chistopolskaya K. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina, S. A., Ozol, S. N., & Drovosekov, S. E. (2018). Adaptation on a Russian sample of the short version of experience in close relationships-revised questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal, 39(5)*, 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7> (in Russian)
- Chow, T. S., Tang, C. S. K., Siu, T. S. U., & Kwok, H. S. H. (2022). Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese samples. *Frontiers in Psychiatry, 13*. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.845803>

- Distelberg, B. J., Martin, A. S., Borieux, M., & Oloo, W. A. (2015). Multidimensional family resilience assessment: The Individual, Family, and Community Resilience (IFCR) Profile. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 25(6), 552–570. <https://doi.org/10.1080/10911359.2014.988320>
- Finklestein, M., Pagorek-Eshel, S., & Laufer, A. (2022). Adolescents' individual resilience and its association with security threats, anxiety and family resilience. *Journal of Family Studies*, 28(3), 1023–1039. <https://doi.org/10.1080/13229400.2020.1778504>
- Gardiner, E., Mâsse, L. C., & Iarocci, G. (2019). A psychometric study of the Family Resilience Assessment Scale among families of children with autism spectrum disorder. *Health and Quality of Life Outcomes*, 17, Article 45. <https://doi.org/10.1186/s12955-019-1117-x>
- Gusarova, E. S., Odintsova, M. A., & Sorokova, M. G. (2021). Family Resilience Assessment Scale: adaptation in Russian sample. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.130> (in Russian)
- Huang, J., Zhang, J., & Xiaonan, N. (2018). Close relationships, individual resilience resources, and well-being among people living with HIV/AIDS in rural China. *AIDS Care*, 30(5), 49–57. <https://doi.org/10.1080/09540121.2018.1496222>
- Isaacs, S. A., Roman, N. V., Savahl, S., & Sui, X. C. (2018). Adapting and validating the Family Resilience Assessment Scale in an Afrikaans rural community in South Africa. *Community Mental Health Journal*, 54(1), 73–83. <https://doi.org/10.1007/s10597-017-0091-1>
- Kaya, M., & Arici, N. (2012). Turkish version of Shortened Family Resiliency Scale (FRAS): The study of validity and reliability, procedia. *Social and Behavioral Sciences*, 55, 512–520. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.531>
- Kholmogorova, A. B., Volikova, S. V., & Sorokova, M. G. (2016). Standardization of the test “Family Emotional Communication”. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 24(4), 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405> (in Russian)
- Krosnick, J. A. (1991). Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys. *Applied Cognitive Psychology*, 5(3), 213–236. <https://doi.org/10.1002/acp.2350050305>
- Kryukova, T. L., & Saporovskaya, M. V. (2016). Family relationships' stresses: coping tendencies and effects. *Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya [Social and Economic Psychology]*, 1(1), 174–195. (in Russian)
- Li, Y., Zhao, Y., Zhang, J., Lou, F., & Cao, F. (2016). Psychometric properties of the Shortened Chinese version of the Family Resilience Assessment Scale. *Journal of Child and Family Studies*, 25, 2710–2717. <https://doi.org/10.1007/s10826-016-0432-7>
- Makhnach, A. V. (2016). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Human and family resilience: a socio-psychological paradigm]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Makhnach, A. V. (2019). Trends in studying the family and characteristics of the composition related to its resilience. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" [RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series]*, 2, 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50> (in Russian)
- Makhnach, A. V., & Laktionova, A. I. (2021). Family resilience from the perspective of A.A. Bogdanov' organizational theory. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203> (in Russian)
- Makhnach, A. V., Laktionova, A. I., & Postlyakova, Yu. V. (2015). The role of family resources in selection of candidates for adoptive parents. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(1), 108–122. (in Russian)

- Makhnach, A. V., Prikhozhan, A. M., & Tolstykh, N. N. (2013). *Psikhologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli* [Psychological diagnosis of candidates in adoptive parents]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Nadrowska, N., Błażek, M., & Lewandowska-Walter, A. (2021). Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS). *Community Mental Health Journal*, 57(1), 153–160. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00626-3>
- Nesterova, A. A. (2016). Family resources as condition of family viability in crisis conditions. *Razvitie Lichnosti [Development of Personality]*, 1, 156–173. (in Russian)
- Nesterova, A. A. (2017). Development and validation of “Resilience of Person” questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 38(4), 93–108. (in Russian)
- Odintsova, M. A., Lubovsky, D. V., Ivanova, P. A., & Gusarova, E. S. (2022). Special characteristics of the resilience of Russian families in the face of modern challenges (A preliminary study). *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(3), 56–74. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0304>
- Osin, E. N., & Rasskazova, E. I. (2013). A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 147–165. (in Russian)
- Østerås, N., Gulbrandsen, P., Garratt, A., Benth, J. S., Dahl, F. A., Natvig, B., & Brage, S. (2008). A randomised comparison of a four- and a five-point scale version of the Norwegian Function Assessment Scale. *Health and Quality of Life Outcomes*, 15(6), Article 14. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-6-14>
- Preston, C. C., & Colman, A. M. (2000). Optimal number of response categories in rating scales: reliability, validity, discriminating power, and respondent preferences. *Acta Psychologica*, 104(1), 1–15. [https://doi.org/10.1016/S0001-6918\(99\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S0001-6918(99)00050-5)
- Revilla, M. A., Saris, W. E., & Krosnick, J. A. (2014). Choosing the number of categories in agree-disagree Scales. *Sociological Methods & Research*, 43(1), 73–97. <https://doi.org/10.1177/0049124113509605>
- Ryl'skaya, E. A. (2016). Test “Human System Capability”: working out and psychometrical characteristics. *Sotsium i Vlast'*, 1(57), 25–30. (in Russian)
- Sixbey, M. T. (2005). *Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs* [Doctoral dissertation]. University of Florida, USA.
- Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1). <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>
- Taherdoost, H. (2019). What is the best response scale for survey and questionnaire design; Review of different lengths of rating scale / attitude scale / Likert scale. *International Journal of Academic Research in Management (IJARM)*, 8(1), 1–10.
- Varich, V. N., & Klimovich, A. V. (2015). Zhelaemyi obraz sem'i v tsennostnom soznanii sovremennykh belorusov i rossiyan [Family desired image in the value consciousness of modern Belarusians and Russians]. *Vestnik Brestskogo Universiteta. Seriya 2. Istoriya. Ekonomika. Pravo*, 1, 118–124.
- Walsh, F. (2013). Community-based practice applications of a family resilience framework. In D. Becvar (Ed.), *Handbook of family resilience* (pp. 65–82). New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3917-2_5
- Walsh, F. (2016). Family resilience: a developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3), 313–324. <https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035>
- Zhou, J., He, B., He, Y., Huang, W., Zhu, H., Zhang, M., & Wang, Y. (2020). Measurement properties of family resilience assessment questionnaires: a systematic review. *Family Practice*, 37(5), 581–591. <https://doi.org/10.1093/fampra/maa027>

Шкала оценки жизнеспособности семьи FRAS-RII

Каких людей Вы считаете членами своей семьи? Перечислите их. Ваша семья может включать в себя любых людей по Вашему усмотрению.

С кем Вы живете?

Вспомните и напишите одно из неблагоприятных событий в Вашей семье. Примерами таких событий могут быть развод, смерть, переезд, потеря работы и т.д.

Какой уровень интенсивности, по Вашему мнению, это событие имело для Вашей семьи?

Обведите цифру ниже, где 1 – отсутствующая или низкая интенсивность, а 10 – высокая.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Укажите, каких членов своей семьи Вы вспоминаете, размышляя об этом событии и оценивая его.

После этого события связь в Вашей семье...

- стала более дистантной (вы отдалились друг от друга);
- осталась прежней;
- стала более близкой (вы стали ближе друг к другу).

Выберите тот ответ, который наиболее характерен для Вашей семьи.

Пожалуйста, внимательно прочтите каждое утверждение. Решите, насколько хорошо оно описывает Вашу семью теперь:

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
1	Наша семья гибко реагирует на непредвиденные обстоятельства					
2	Наши друзья ценят нас такими, какие мы есть					
3	То, что мы делаем друг для друга, заставляет нас чувствовать себя семьей					
4	Мы принимаем стрессовые события как часть нашей жизни					

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
5	Мы признаем, что проблемы могут возникать неожиданно					
6	Мы все участвуем в принятии важных семейных решений					
7	Мы можем преодолевать страдания и приходиться к взаимопониманию					
8	В нашей семье мы понимаем друг друга					
9	Мы можем обратиться за разъяснениями, если не понимаем друг друга					
10	В нашей семье все честны и откровенны друг с другом					
11	Мы можем пойти на компромисс, когда возникают проблемы					
12	Мы можем рассчитывать на поддержку других людей.					
13	В нашей семье, если непонятно, можно открыто уточнить смысл высказывания					
14	Мы можем решить основные проблемы					
15	Мы справимся, если возникнет еще одна проблема					
16	Мы можем обсуждать то, как мы взаимодействуем в нашей семье					
17	Мы можем справляться с трудностями всей семьей					
18	Мы советуемся друг с другом при принятии решений					
19	Мы представляем проблему с позитивной стороны, чтобы ее решить					
20	Мы обсуждаем проблемы и совместно их решаем					
21	Мы обсуждаем различные вопросы до тех пор, пока не примем решение					
22	Мы можем свободно выражать свое мнение в семье					
23	Нам нравится уделять время и силы нашей семье					
24	Мы считаем, что люди готовы помочь нам в чрезвычайной ситуации					
25	В нашем социальном окружении мы чувствуем себя в безопасности					
26	Мы чувствуем себя сильными перед лицом значимых проблем					
27	У нас есть силы для решения своих проблем					
28	Мы знаем, что, если возникнут проблемы, другие люди нам помогут					
29	Мы знаем, что мы важны для наших друзей					
30	Мы все разделяем ответственность в семье					
31	Мы проявляем любовь и привязанность к членам семьи					
32	Мы говорим друг другу, как сильно мы ценим каждого					
33	Даже в трудные минуты мы верим, что все разрешится					
34	Мы ищем новые способы решения проблем					
35	Мы ориентируемся на общие для семьи нравственные принципы					

№	Утверждения	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
36	Мы поддерживаем общие для семьи традиции					
37	Мы создаем новые семейные традиции					
38	Пережитый нами опыт сделал нас способными сочувствовать другим					
39	Нам помогают преодолевать трудности общие смыслы и ценности					
40	Чтобы справиться с невзгодами, мы опираемся на духовные ресурсы нашей семьи					
41	Есть ли что-то еще, что помогло Вашей семье пережить неблагоприятное событие, но не было описано или обсуждено выше?					

Ключ для обработки данных. Для подсчета результатов по каждой субшкале необходимо суммировать баллы соответствующих пунктов, приведенных в таблице. Итоговый балл жизнеспособности семьи получится при сложении баллов всех четырех субшкал. Все пункты прямые. Ответ «никогда» оценивается в 1 балл, «редко» – в 2 балла, «иногда» – в 3 балла, «часто» – в 4 балла, «всегда» – в 5 баллов.

Субшкалы	Пункты
Семейная коммуникация и семейная связность	3, 6, 8 11, 16, 18, 20–23, 30–32
Позитивный прогноз и решение проблем	14, 15, 17, 19, 26, 27, 33, 34
Принятие и гибкость	1, 4, 5, 7, 13
Социальные ресурсы	2, 12, 24, 25, 28, 29
Духовность семьи	35–40